

Костякова Юлия Борисовна

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ: ОТ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА

Автор проанализировала научные работы зарубежных и отечественных авторов по вопросам исторического опыта, обобщила представления историков и философов о сущности исторического опыта, его происхождении и функциях, о возможности его использования для прогнозирования будущего. Особое внимание было уделено вопросу о роли исследователя в изучении и репрезентации исторического опыта, о соотношении в данном опыте объективного и субъективного. В статье дано авторское определение исторического опыта, на основе которого сделан вывод о сфере применения такого опыта в настоящем и будущем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. С. 98-105. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Вильнянский С. И. Обычай и правила социалистического общежития // Ученые записки Харьковского юридического института. 1954. Вып. 5. С. 8-9.
2. Вопленко Н. Н. Источники и формы права: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2004. 99 с.
3. Голунский С. Обычай и право // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 51-52.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2004. 512 с.
5. Международные торговые и финансовые обычаи / Московское финансовое объединение; под общ. ред. С. И. Кумок. М., 1995. Т. 1. 304 с.
6. Наумкина В. В. Обычные регуляторы // Современное право. 2006. № 5. С. 40-42.
7. Новицкий И. Б. Источники советского гражданского права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. 160 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 65 000 слов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. Изд-е 26-е, перераб. и доп. М.: ОНИКС; Мир и Образование, 2008. 736 с.
9. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.
10. Толковый словарь «Бизнес и право» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

**BUSINESS INTERCOURSE CUSTOM AND BUSINESS HABIT:
PROBLEMS OF CORRELATION**

Valeriya Nikolaevna Kozlova
Department of Civil Law and Process
Khakass State University named after N. F. Katanov
kozlovavn@mail.ru

The author considers the problem of the differentiation between business intercourse customs and business habits as the closely related categories of civil law, suggests such differentiation criteria as the legal effect of customs and habits, the sequence of their occurrence, the necessity of publicity to parties, and comes to the conclusion about the necessity of the differentiation between customs and habits, because different legal nature of these phenomena conditions different order of their presence and content proof in court.

Key words and phrases: business intercourse custom; business habit; trade custom; practice of the trade; sanctioning; source of law.

УДК 93

Исторические науки и археология

Автор проанализировала научные работы зарубежных и отечественных авторов по вопросам исторического опыта, обобщила представления историков и философов о сущности исторического опыта, его происхождении и функциях, о возможности его использования для прогнозирования будущего. Особое внимание было уделено вопросу о роли исследователя в изучении и репрезентации исторического опыта, о соотношении в данном опыте объективного и субъективного. В статье дано авторское определение исторического опыта, на основе которого сделан вывод о сфере применения такого опыта в настоящем и будущем.

Ключевые слова и фразы: исторический опыт; опыт прошлого; опыт истории; опыт историка; «уроки прошлого».

Юлия Борисовна Костякова, к.и.н., доцент
Кафедра стилистики русского языка и журналистики
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
ika29@yandex.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ: ОТ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА[©]**

Основной целью изучения прошлого служит его осмысление, результатом которого является осознание ценности материального и духовного наследства, оставленного предками, причин и последствий действий отдельных личностей или целых народов, общих закономерностей исторического процесса как процесса развития человечества. Взвешенный, научный, объективный подход к исследованию и оценке истории позволяет также вычленивать, проанализировать, обобщить и представить аудитории ценный опыт прошлого, использование которого, как считают многие, может помочь избежать ошибок, неудач и провалов или добиться больших успехов с меньшими затратами при решении схожих задач в настоящем и будущем.

Однако примитивное, обыденное понимание исторического опыта низводит его определение до некоей совокупности знаний, накопленных людьми в процессе практической деятельности в течение какого-либо периода или в определенных условиях. Это делает объяснимым появление различных, в том числе спекулятивных и политически-ангажированных, трактовок этой дефиниции как своеобразных «уроков прошлого», которые можно описать, «выучить», повторить и учесть на будущее. Подобная логическая взаимосвязь «исторический опыт» – «уроки прошлого» достаточно распространена как в публицистической, так и научной российской литературе, что подтверждает проведенный нами анализ работ по исследуемой теме.

На наш взгляд, это свидетельствует о сохранении и устойчивости традиций в понимании исторического опыта, сформированных советскими философами и историками в соответствии с марксистской теорией общественно-экономических формаций. Согласно такому подходу, исторический опыт обозначался как объективно существующее, но прошедшее соответствующую идеологическую обработку знание о прошлом [21].

Авторы современных диссертационных работ, используя понятие «исторический опыт» и даже вынося его в название работы (формулировка темы, цели исследования), зачастую не дают определения данной дефиниции. В итоге под историческим опытом может подразумеваться совокупность сведений о формировании или реформировании системы (политической, экономической, образовательной), о деятельности государственных и иных структур по решению определенных задач, о развитии народов или становлении их политического мировоззрения, о национально-государственном строительстве или кооперативном движении и т.д. Но в большинстве изученных нами диссертационных работ авторы в качестве исторического опыта представляют собственное осмысление, анализ, обобщение этих сведений, предполагая, что использование презентуемых ими знаний («уроков истории») должно помочь при решении современных проблем. В результате объективное знание подменяется его субъективной трактовкой, а исторический опыт рассматривается как совокупность последовательных и системных действий, приведших в прошлом к определенным результатам, как опыт решения (попытка решения) актуальной проблемы, который может быть как успешным, так и неуспешным.

Однако в ряде случаев использование изучаемой дефиниции ничем не мотивировано, и в контексте выражений «исторический опыт свидетельствует о том, что...», «как показывает исторический опыт...» данное словосочетание может быть с успехом заменено на другие термины: «прошлое», «история» и т.д. Еще одним признаком нечеткого понимания сути исторического опыта является обозначение его, например, как «многогранного процесса» [19, с. 8] и в то же время определение различных процессов (например, вхождения региона в состав Российской империи) как составляющих данного опыта [Там же, с. 68-69]. Неправомысленным, по нашему мнению, является применение к исследуемому понятию такой исследовательской операции, как «реконструкция» [Там же, с. 31], которая чаще используется в отношении законченных действий (реконструкция процесса, события и т.д.).

Сомнения вызывает, например, формулировка «проблема исторического опыта...» [18], поскольку проблемой может считаться, скорее, его сохранение, преемственность, использование, но не опыт как таковой. Без объяснения остается методика, с помощью которой предполагается решать задачу выявления «позитивных и негативных сторон исторического опыта» [14, с. 4]. Вместе с тем можно отметить стремление исследователей к философскому осмыслению исторического опыта, что выражается, например, в оценке его прогностической функции, выявлении возможностей использования для изучения общественного сознания [13].

Анализ диссертационных работ, в которых традиционно находит отражение многолетняя исследовательская деятельность авторов, показал, что к теме исторического опыта чаще всего обращаются соискатели ученой степени доктора исторических наук. Но тем не менее работ, в которых присутствует определение рассматриваемого термина, крайне мало (см., напр., диссертации О. Г. Дука, В. Г. Благодатских, М. Р. Москаленко и др.), и практически во всех из них приводится определение термина, данное академиком В. В. Алексеевым. Данный факт можно объяснить недостатком отечественных исследований такого опыта, выполненных в рамках как философии, так и философии истории.

Исторический опыт на протяжении последних столетий является предметом постоянных дискуссий, которые заметно активизируются в связи с появлением новых философско-исторических школ, концепций, парадигм, направлений общественно-научной мысли. При определении сути исторического опыта, его объекта и субъекта, функций, происхождения (формирования), методов исследования и способов использования, роли в этом процессе исследователя, соотношения в данном опыте субъективного и объективного основой являются представления об опыте как таковом.

Гегель, развивая идеи И. Канта, определил опыт как процесс получения новых знаний о предмете, происходивший в результате целенаправленного движения сознания. В XX в. его приверженцы (неогегельянцы) и критики развернули дискуссию о сущности опыта вообще и исторического опыта в частности. Например, М. Оукшотт считал историю опытом в его целостности, понимаемым как система событий прошлого. В то же время исторический опыт ему мыслился как результат познания историком прошлого, которое, по мнению М. Оукшотта, является не прошлым, а миром идей, созданным свидетельствами прошлого, существующими в настоящем [Цит. по: 12, с. 147-148]. Подвергнув идеи М. Оукшотта критике, Р. Дж. Коллингвуд отметил, что «в той мере, в какой исторический опыт мыслился, то, что переживается и мыслился в качестве прошлого, в действительности оказывается прошлым. То обстоятельство, что оно переживается также и в настоящем, не мешает ему быть прошлым» [Там же, с. 152]. Таким образом, Р. Дж. Коллингвуд, осознавая дуализм исторического опыта (его принадлежность и к прошлому, и к настоящему), не смог, по нашему мнению, четко описать (разграничить), что именно в нем принадлежит прошлому, а что – настоящему.

П. Вен, несмотря на свои скептические утверждения, что «история – не наука», у нее «нет метода, поскольку нет метода понимания», тем не менее совершенно точно определил, что «прошлое, вылепленное историком, – не то, что переживали действующие лица». Следовательно, по мнению ученого, говоря об историческом опыте, нужно иметь в виду, прежде всего, исторический опыт самого историка, определенный его кругом чтения и знакомств и состоящий из всего, что тот смог узнать за всю свою жизнь, приобрести в процессе своей научной работы. Поэтому, как справедливо считал П. Вен, не существует двух историков с одинаковым опытом [5, с. 8, 189, 192].

Х.-Г. Гадамер в своем классическом труде «Истина и метод: основы философской герменевтики» констатировал, что «понятие опыта относится... к числу наименее ясных понятий, какими мы располагаем» [6, с. 409]. Справедливость этого высказывания по отношению и к историческому опыту становится очевидной при анализе заочной дискуссии, которую один из основоположников современной герменевтики вел с такими философами, как В. Дильтей, Гуссерль, Аристотель и др. Анализируя различные философские представления об опыте, Х.-Г. Гадамер сделал вывод: «...подлинный опыт есть тот, в котором человек осознает свою конечность» [Там же, с. 419], то есть предел своих возможностей в стремлении переустроить мир, реализовать планы, исправить ошибки. Поддержим также и следующую мысль философа: «Живущий и действующий в истории человек постоянно убеждается на собственном опыте, что ничего не повторяется» [Там же, с. 420]. Следовательно, опыт прошлого, даже хорошо изученный, не может служить руководством к действию или предостережением от ошибок, поскольку точное повторение ситуации, в которой он был приобретен, невозможно, а возможности человека, например, по переустройству мира или исправлению ошибок имеют свои пределы (конечность).

Спорными в том числе в силу образности описания, на наш взгляд, остаются утверждения Х.-Г. Гадамера о том, что прошедшее существует лишь в многообразии голосов, наполняющих наше историческое сознание и образующих существо исторического предания. Это «предание», являясь объектом герменевтического опыта, «есть язык», и оно само «заговаривает с нами», становясь «как бы предметом нашего исторического опыта» [Там же, с. 337-338]. Основываясь на этом утверждении, можно сделать вывод о том, что исторический опыт есть результат освоения (осмысления) не собственно прошлого в виде исторических фактов, событий и явлений, а содержания текстов (вербальных источников), оставленных нам современниками прошлого или людьми, описывавшими его до нас. В результате без ответа остается вопрос, заданный самим же Х.-Г. Гадамером: «каким образом опыт индивида и его познание поднимаются до уровня исторического опыта» [Там же, с. 271].

Идеи философской герменевтики нашли отражение и в истории понятий, творчески развитой Р. Козеллеком с опорой на тезис И. Канта, что всякий опыт опосредован понятиями. История понятий исходит из того, что «исторический опыт и человеческая деятельность находят отражение в языке, терминах и концептах. Кроме того, историческое познание, используя язык в качестве сырья, зависит от осуществленной с его помощью формализации человеческого опыта» [17, с. 72]. Действительно, исторические события и их языковое оформление, как считает Р. Козеллек, тесно связаны между собой. «Однако ход исторических событий и их воплощение и обработка в языке полностью не совпадают: событие не исчерпывается своим языковым выражением» [11, с. 229]. Следовательно, исторический опыт имеет языковое воплощение, но это не значит, что только в таком виде он и существует.

П. Рикёр, разрабатывая собственную философскую систему исследования, в том числе структуры человеческого опыта, считал, что приобретенный в процессе деятельности в обществе опыт люди фиксируют в памяти и в дальнейшей своей практике «руководствуются не столько чётко осознанными экономическими и социальными интересами, сколько образами, запечатлёнными в памяти». Поэтому память (по П. Рикёру) можно рассматривать и как социально-исторический опыт, в котором интегрируются результаты всех видов человеческой деятельности. Подобный опыт, даже неосознаваемый, существует как объективная основа поведения социальных групп и отдельных людей [10, с. 167].

Но историк, как считал П. Рикёр, «идет к людям прошлого со своим специфическим человеческим опытом», и его способность постигать ценности прежней человеческой жизни напрямую зависит от кровной заинтересованности в этих ценностях, «глубинной причастности к ним» [16, с. 44]. Одной из таких ценностей, на наш взгляд, можно считать опыт, накопленный предшествующими поколениями. И если следовать мысли П. Рикёра, что «ремесло историка создает и историю, и историка» [Там же, с. 46], то важнейшим при изучении такого опыта будет не только искренняя заинтересованность историка в его обнаружении, анализе и презентации аудитории, но и владение ученым своим специфическим «ремеслом».

Более подробно и обстоятельно сущность исторического опыта рассматривал Ф. Анкерсмит, который активно полемизировал с приверженцами идеи о том, что опыт есть данность настоящего, основанная на свидетельствах прошлого (документах, археологических памятниках, произведениях искусства и т.д.). Идею Х.-Г. Гадамера о познании исторического опыта через герменевтику он называл лишь одним из этапов интерпретации прошлого, а не историческим опытом как таковым, поскольку приверженцев данной теории в большей степени интересует не первоисточник, в котором нашло отражение свидетельство о прошлом, а его интерпретация историком (освоение текста). В результате исторический опыт «перемещается непосредственно от самого текста к его толкованию» [4, с. 95-101].

Свое представление об историческом опыте Ф. Р. Анкерсмит сформулировал в пространстве между историзмом и постмодерном. Историк отметил причины слабой изученности предмета своего исследования и

объяснил это «засильем» исторического объективизма в философии истории. Действительно, с позиций историзма исторический опыт рассматривается как некий объем тех же самых опытных знаний, которые присутствовали в прошлом. Но, по справедливому выражению Ф. Анкерсмита, «прошлый опыт нельзя приравнять к опыту прошлого», точно так же, как нельзя «возродить прошлое» или погрузиться в него непосредственно [Там же, с. 373]. Объективистское понимание историзма предполагает личное «выключение» исследователя из процесса восстановления прошлого и беспристрастное рассмотрение им фактов и свидетельств, обнаруженных в различных источниках. Но абстрактность исторического опыта, на наш взгляд, делает невозможным объективную и адекватную его репрезентацию, поскольку исследователь, рефлексируя на основе результатов собственного научного познания прошлого, представляет свое видение («образ») или трактовку такого опыта.

В контексте теории постмодерна исследование истории лишено строгих рамок и ограничений. Поэтому Ф. Анкерсмит, признавая, что «коллективное прошлое как объект исторического опыта в целом отличается от нашего персонального прошлого», тем не менее в изучении исторического опыта делает акцент именно на персональное ностальгическое воспоминание о прошлом, которое «сообщает нам наиболее интенсивный и наиболее подлинный опыт прошлого» [Там же, с. 367-368]. Именно ностальгия (то есть воспоминания, представления о прошлом, воображение его) позволяет исследователю объединить прошлое и настоящее, однако рассматривать первое в сравнении со вторым, не «погружаясь в прошлое», но ощущая расстояние (разницу) между ними.

Основные идеи, сформулированные в течение всей научной деятельности голландского философа, получили воплощение в его монументальном труде «Возвышенный исторический опыт», вышедшем на русском языке в 2007 г. В нем автор проделал своеобразный и до настоящего времени единственный экскурс в историю исторического опыта, проанализировав творчество Эйхендорфа, Бургхардта, Бенямина, Гедамера, Ницше, Гегеля, Руссо, Канта и других своих предшественников и сопроводив свои размышления широким спектром примеров из истории и литературы. Такой анализ позволил ему сформулировать и обосновать теорию возвышенного исторического опыта [3].

Ф. Анкерсмит, опираясь на собственную классификацию, предложил понимать под объективным историческим опытом то, «как люди прошлого – представляющие объект исторического исследования – сами воспринимали свой мир» [Там же, с. 367]. Следовательно, субъективный исторический опыт – это восприятие прошлого историком. Возвышенный исторический опыт являет собой в некотором роде «слияние» объективного и субъективного опытов, но при этом он «не является переживанием дистанции между прошлым и настоящим и не предполагает обязательного ее наличия» [Там же, с. 368]. Интерес представляет и утверждение философа, что «прошлое обретает бытие лишь благодаря историческому опыту и через его посредство» [Там же]. Опираясь на данный тезис, можно утверждать, что это налагает на историка особую ответственность за презентуемое аудитории прошлое и заставляет его не просто описывать события минувших дней, но и анализировать их, создавая «образ» прошлого.

Но определения исторического опыта (в том числе и возвышенного), данные Ф. Анкерсмитом, нельзя рассматривать как общепринятые, поскольку далеко не все историки разделяют взгляды постмодернизма. Препятствием также может служить известный академизм научного исторического сообщества, являющийся своеобразной защитой от проникновения в науку дилетантизма и околонучных концепций. Однако в последние годы использование в российской научной литературе понятия «исторический опыт» стало достаточно распространенным, что и показало проведенное нами исследование диссертационных работ, результаты которого были представлены выше. Вместе с тем ощущается явная недостаточность философского осмысления данной дефиниции на уровне теоретических научных статей. Доказательством может служить тот факт, что за последние два десятилетия в отечественной науке было предпринято лишь несколько попыток выявить генезис рассматриваемого термина и предложить его определение.

Одним из первых серьезных исследований на эту тему можно назвать работу Б. А. Успенского «История и семиотика», в которой автор рассматривал исторический процесс как коммуникацию «между социумом и индивидом, социумом и Богом, социумом и судьбой и т.п.» [20, с. 12]. В процессе этой коммуникации некоторые события, воспринимаемые современниками как исторически значимые, получают своеобразное знаковое (семиотическое) воплощение, например, в виде исторического факта. Но отбор и осмысление прошлых событий, как справедливо считал Б. А. Успенский, производится с точки зрения настоящего. Семиотически отмеченные события позволяют увидеть историю посредством выстраивания предшествующих событий в исторический ряд. «Так образуется исторический опыт – это не те реальные знания, которые постепенно откладываются (накапливаются) во времени, по ходу событий, в поступательном движении истории (в смысле «*res gestae*»), а те причинно-следственные связи, которые усматриваются с синхронной (актуальной для данного момента) точки зрения». Следовательно, полагал ученый, исторический опыт, не являясь абсолютной и объективной данностью, «меняется со временем и выступает, в сущности, как производное от нашего настоящего». Именно поэтому он не может ничему научить, но, являясь своеобразным осмыслением прошлого, способен оказывать влияние на будущий ход истории, поскольку, «исходя именно из подобных представлений, из подобного опыта, социум как коллективная личность строит программу будущего, планирует свое дальнейшее поведение» [Там же, с. 18-19].

Можно отчасти согласиться с большинством из процитированных выше высказываний Б. А. Успенского. Однако недостатком идеи, сформулированной ученым, по нашему мнению, является слишком тонкая грань, которую он проводит между понятиями «исторический опыт» и «знания о прошлом», а также между терминами

«опыт» и «представления». Синонимизация последних, на наш взгляд, невозможна, поскольку опыт предполагает познавательную деятельность, в результате которой формируются знания, навыки, умения и в том числе представления. Таким образом, процесс и итог этого процесса не могут быть тождественными.

Историческому опыту посвятила свою статью и Г. И. Зверева, акцентировав внимание на представлениях о нем в новоевропейской философии истории. Не предлагая собственного определения изучаемого понятия, автор обозначила два основных значения, в которых данная дефиниция чаще всего используется в трудах по философии истории. В первом случае исторический опыт трактуется как «выражение связи прошлого, настоящего и будущего, определенный результат исторического процесса, призванный быть изученным, использованным и превзойденным в обществе», то есть как опыт истории. Во втором случае данный опыт рассматривается как «важнейшая процедура интеллектуальной работы, мыслительный процесс постижения прошлого, в котором устанавливается определенное отношение исследователя к своему предмету», то есть опыт историка [9, с. 106]. Следовательно, в первом своем значении исторический опыт является неким объективно существующим аккумулятивным единством знаний, накопленных предшествующими поколениями. Во втором случае он субъективен, поскольку его содержание напрямую зависит от того, как историк понимает цель своего познания, какими взглядами, опытом он обладает, как объясняет события, факты и явления прошлого. Оба значения, по мнению Г. И. Зверевой, имеют принципиальную общность и формируют представления об историческом опыте как непрерывно обновляющемся, открытом пути сознания, заключающем в себе процедуры наблюдения, обобщения, освоения, переработки, преодоления того, что осмыслено и пройдено человеком [Там же, с. 106-107].

Особую ценность работы составляет то, что автор проследила трансформацию понимания исторического опыта, которая происходила в связи с проникновением в историографию идей неокантианства, экзистенциализма, философской герменевтики, а также «новой философии истории». Г. И. Зверева провела подробный анализ идей ведущих представителей объединения «новых интеллектуалов» – Г. Келлнера, Ст. Бена, И. Хейзинги, Ф. Анкерсмита и др. и констатировала, что в «новой философии истории» рассматриваемое понятие трактуется, прежде всего, как «эстетический опыт» исследователя [Там же, с. 117]. Критику подобных идей со стороны оппонентов данной научной школы и принципиальные различия в понимании базовых исторических терминов, одним из которых является «исторический опыт», автор объяснила в том числе «переменами, которые происходят в самой культуре исторической профессии» и острой потребностью «в переопределении более общей проблемы методологии истории – проблемы возможностей и границ исторического познания» [Там же, с. 116].

Тему, начатую Г. И. Зверевой, продолжил А. А. Олейников, также отметив слабую изученность рассматриваемого понятия. Прослеживая трансформацию характера исторического опыта на переходе от историзма к постмодернизму, автор предпринял попытку раскрыть философское и познавательное содержание этой дефиниции. Недостатком работы можно назвать то, что А. А. Олейников, следуя концепциям исторического опыта, выработанным другими философами, не предложил собственного определения рассматриваемого понятия, ограничившись образным утверждением: «...исторический опыт современности – это опыт ускользания прошлого от устанавливающего, объективирующего взгляда исследователя. В стремлении схватить прошлое как таковое мы встречаемся лишь с успешными способами его замещения настоящим» [15, с. 309]. Автор, демонстрируя свое знание творчества Ф. Анкерсмита и восхищение его идеями, не пытается критически их оценивать, в результате чего у читателя создается впечатление о безальтернативности такой концепции, созданной в рамках постмодернистской парадигмы истории. Однако достоинством рассматриваемой работы является вычленение А. А. Олейниковым главной причины, по которой прошлое, и в частности исторический опыт как отражение прошлого, оказывается востребованным в настоящем. «Необходимость в прошлом, – указывает автор, – рождается из неуверенности в настоящем», в прошлом люди пытаются увидеть источник стабильности или грядущего спасения, средство устранения тревоги перед скрытыми и неучтенными возможностями настоящего [Там же, с. 308].

Таким образом, анализ отечественной научной литературы выявил слабую изученность темы исторического опыта. На наш взгляд, при его исследовании необходимо проводить четкую грань между объективным историческим опытом (опытом истории) и субъективным (опытом историка). Первый составляют факты, свидетельства очевидцев событий прошлого, нашедшие отражение в различного рода аутентичных документах, а также обнаруживаемые в воспоминаниях современников изучаемой историком эпохи. Разрозненная совокупность этих сведений создает мозаичную картину, на основе которой исследователь рисует собственное живописное полотно прошлого. При этом у каждого ученого, как и у каждого художника, картина прошлого (субъективный исторический опыт) будет отличаться от аналогичной, созданной на этом же материале, но другим «живописцем». Несовпадение будет проявляться в отборе и компоновке фактологической базы, трактовке полученных сведений, в результатах проведенного анализа и даже в сценариях реконструированных событий. Поэтому, на наш взгляд, нельзя говорить о каких-либо «уроках истории», которые можно извлечь из субъективного исторического опыта, опираясь на личные суждения одного или нескольких исследователей. Этого разделения объективного и субъективного исторического опыта (то есть исторических фактов и мнений о них) как раз и не хватает в подавляющем большинстве изученных диссертационных работ, авторы которых представляют собственный субъективный исторический опыт как некую объективную данность.

Мы считаем, что в исследовании должны быть представлены и объективный, и субъективный исторический опыт, потому что историк, изучая прошлое, основывается, прежде всего, на представлениях о событиях изучаемого периода очевидцев, то есть на том, как люди той эпохи сами представляли свой мир. Но данные представления в «чистом виде», в оригинале являют собой лишь материал для изучения, требующий анализа, осмысления и создания авторских трактовок или «образов» прошлого, то есть формирования субъективного исторического опыта. Без этого прошлое не обретет бытие, то есть не будет понято и принято современниками историка.

При рассмотрении вопроса о субъективности того исторического опыта, который создает автор исторического произведения, возникает вопрос о степени субъективности исследователя, поскольку он, несмотря на специальное образование, опыт научной деятельности, владение методикой исследования и следование принципу историзма, находится в прямой зависимости от тех условий (политических, экономических, культурных), в которых работает. Здесь уместно будет вспомнить об идее М. М. Бахтина о «хронотопе» – некоей воображаемой сфере («пространство-время»), в которой происходит встреча историка и исторического источника, т.е. собственно историческое исследование. А. Я. Гуревич образно, но точно назвал это пространство «территорией историка», на которой происходит «взаимодействие сигналов, сообщений, идущих из прошлого, с вопросами и моделями, которые посылает в прошлое исследовательская мысль современного историка для того, чтобы получить необходимые ей ответы» [7, с. 107]. Присутствие исследователя на этой «территории», на наш взгляд, позволяет ему не отрешиться полностью от реалий настоящего, но несколько дистанцироваться от них и, таким образом, нащупать ту нить, которая связывает прошлое и настоящее, увидеть взаимосвязь событий, их причинно-следственную связь, объять кажущееся необъятным, то есть освоить исторический опыт. Благодаря этому историк обретает возможность адаптировать события прошлого к реалиям настоящего, обнаружить то, что будет актуальным для его современников, то есть создать свой субъективный исторический опыт, благодаря которому прошлое будет «приближено» к настоящему.

Разделение понятий «объективный» и «субъективный исторический опыт» является важной, но не единственной проблемой в исследовании данной темы. В научной литературе без ответа остается вопрос о том, насколько изучение, анализ, обобщение событий и явлений прошлого, результаты которого найдут воплощение в форме исторического опыта, могут помочь при устранении проблем в настоящем и будущем, в планировании и прогнозировании, в создании сценариев отдельных действий и в комплексной деятельности по решению конкретных задач и достижению общественно важных целей.

Устойчивость и достаточная распространенность мысли о том, что изучение исторического опыта необходимо для извлечения соответствующих уроков, базируется (в этом мы согласимся с А. А. Олейниковым) на неуверенности в завтрашнем дне. Не случайно, активизация обращения к опыту прошлого отмечается именно в те периоды истории, когда происходит слом прежних устоев, реформирование различных общественных и государственных систем, результаты которого пытаются прогнозировать, опираясь на опыт предшественников, проводивших подобные мероприятия. При этом главенствующей является мысль о возможности повторить успешные сценарии или избежать ошибочных поступков. В этой связи интерес представляет концепция исторического опыта, разработанная В. В. Алексеевым. Основная мысль, которую ученый развивает в своих работах, заключается в том, что исторический опыт необходимо рассматривать как «преемственность знаний и умений поколений, концентрированное выражение социальной практики прошлого и функционирования социума в окружающей среде, ориентированное на выявление закономерностей общественного развития, на получение знаний, обеспечивающих повышение обоснованности решений проблем современности» [1, с. 6].

Ученый совершенно справедливо обращает внимание на необходимость разграничения понятий «историческое знание» и «исторический опыт». Второе можно рассматривать как составную часть первого, что, по мнению В. В. Алексеева, «позволяет осмыслить историческую ситуацию не просто как свершившийся факт, а как сложную вероятностную взаимосвязь между возможностью и действительностью, между прошлым и настоящим, то есть исследовать объективно заложенные в историческом процессе альтернативные варианты, позитивные и негативные решения, прогрессивные и регрессивные тенденции, вероятность их проявления в будущем». Следуя этой мысли, ученый из всех функций исторического опыта выделяет наиболее актуальные – экспертную, компаративную и прогностическую. Последняя «наиболее ответственна, сложна и менее отработана на практике», поскольку справедливость исторических прогнозов нередко становится понятной лишь спустя десятилетия и даже столетия. Приводя примеры удачного исторического прогнозирования из российского и мирового опыта, В. В. Алексеев отмечает, что задача такого прогноза – попытаться «поставить на службу обществу исторический опыт прошлого, который необходим для оптимизации человеческой деятельности в будущем», а основой его «являются закономерности исторических процессов и аналогии их конкретных проявлений, соотношенные с реалиями современности». Но, рассуждая о механизмах прогнозирования на основе исторического опыта, ученый не дает ответа о том, как можно совместить преемственность традиций и перемены, которые несет с собой будущее, и лишь предполагает, что «нужна количественная история, широкие динамические ряды и математические модели, одинаково хорошо понимаемые как математиками, так и историками» [2, с. 33-46].

Заманчивость идеи об использовании исторического опыта для прогнозирования будущего не только привлекает ученых к данной теме, но и создает питательную среду для многочисленных популистских теорий. Особенно заметным это было в начале 1990-х гг., когда активно пропагандировалась идея о возможно-

сти возрождения явлений, характерных для дореволюционной России: дворянские собрания, кулачество, меценатство (а не спонсорство) и т.д. Однако дальнейшие события показали, что следование сценарию, по которому проводились различные реформы и другие мероприятия в прошлом, не дает желаемого результата. В связи с этим интерес к изучению прошлого несколько угас.

Основной ошибкой, характерной для политиков (и ряда ученых), было, по нашему мнению, то, что исторический опыт подменялся опытом прошлого или некой совокупностью знаний о прошлом. Вторая ошибка заключалась в том, что во внимание не брались те причинно-следственные связи, которые и определяли события или результат деятельности. П. Вен в свое время справедливо заметил, что «хотя причинно-следственная связь – явление повторяющееся, нельзя точно предсказать, когда и при каких условиях она повторится: причинность отличается запутанностью и всеохватностью... Именно поэтому исторический опыт не укладывается в формулы» [5, с. 197].

Следовательно, исторический опыт невозможно использовать как неизменную данность, сборник рецептов на любой случай. Исторический опыт не свидетельствует о том, что при схожих предпосылках события будут разворачиваться по такому же сценарию, что и прежде, поскольку на разных этапах истории схожие причины влекут различные последствия. Время – как река. Можно входить в нее неоднократно, но вода каждый раз будет разная. Поэтому очень важны условия, в которых происходят события, имеют место явления, а также факторы, под воздействием которых проходят процессы и т.д. Эти условия уникальны и неповторимы, что и делает проблематичным и спорным, а скорее всего, и невозможным применение исторического опыта (в чистом его виде) в настоящем и будущем.

Если рассматривать исторический опыт как совокупность сценариев решения (нерешения) проблемы, сложной ситуации, задачи, то очень заманчивым выглядит идея повторения (неповторения) этого сценария. Однако люди, а точнее группы людей (от небольших коллективов до многочисленных наций) поступают так или иначе, не следуя готовому сценарию, поскольку на коллективном уровне традиции, обычаи перестают функционировать, и в силу вступают другие законы, по которым происходит жизнедеятельность множества людей. Поэтому люди (а также отдельные их представители, например политические, государственные деятели) действуют, не следуя сценарию прошлого, а исходя из потребностей и реалий настоящего, ориентируясь на собственные представления, идеалы, цели и т.д.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о необходимости исторического опыта. Чтобы ответить на него, в первую очередь нужно четко разграничить опыт исторический и другие виды опыта. Изучение истории (системное, профессиональное) позволяет обобщать и презентовать аудитории накопленный поколениями и отдельными людьми личный (персональный) и коллективный, профессиональный, культурный и другие виды опыта. Нередко исследователи именно этот опыт называют историческим, исходя из убеждения, что историческим можно назвать все, что имело место в прошлом. Такая позиция приводит к определенному схематизму в описании и узкому восприятию событий минувшего, изучаемой деятельности и ее результатов.

На наш взгляд, при изучении прошлого на первый план должны выходить не поступки, а люди, совершающие эти поступки. Исследователю в первую очередь необходимо обращать внимание на то, как современники изучаемой эпохи представляли себе действительность во всех ее проявлениях, что позволит выявить мотивы их действий. Реконструкция таких представлений – весьма трудоемкий процесс, поскольку требует привлечения для анализа большого количества разнообразных источников (не только мемуаров), в которых можно обнаружить искомые сведения. Но такой подход позволит выявить побудительные мотивы, установки, стереотипы поведения, понимание целей и задач, ценностные (в том числе политические, культурные, ментальные) ориентации, состояние сознания как отдельных персон, так и коллективных действующих лиц, то есть все то, что и составляет пресловутый «человеческий фактор» исторических событий и явлений. В этом случае исследуемый опыт будет действительно историческим, поскольку история есть наука, изучающая в хронологическом развитии человеческую деятельность во всей ее конкретности и многообразии.

Таким образом, можно представить, что исторический опыт есть опыт освоения действительности людьми прошлого, нашедший свое отображение в различных источниках и результатах человеческой деятельности. На его основе исследователь имеет возможность реконструировать события, строить умозаключения, предположения, версии, прогнозы и т.д. Такие представления о действительности (во всех своих проявлениях) уникальны и характерны для конкретного исторического периода (эпохи). Именно их неповторимость определяет невозможность использования исторического опыта как готового сценария действий. Однако учет таких представлений, изучение их и сопоставление с существующими в современности позволяют использовать такой опыт как базис для прогнозирования вероятных сценариев будущего.

В. Дильтей, изучая различные проявления опыта, в свое время отметил: «Жизненный опыт – это растущее уразумение и рефлексия о жизни... Этот жизненный опыт мы дополняем историей, которая в крупных своих чертах открывает нам человеческую судьбу» [8, с. 129-130]. Следовательно, исторический опыт, нашедший выражение в определенных ориентациях, взглядах, стереотипах, установках и зафиксированный в различных источниках, обобщенный, проанализированный и представленный аудитории историком, способен оказывать воздействие на формирование сознания людей следующих поколений, их представлений о действительности, которые также найдут отражение в различных формах и проявлениях, результатах человеческой деятельности. В этом и заключается преемственность исторического опыта, его полезность и необходимость для будущего, уникальность и в то же время повторяемость.

Список литературы

1. **Алексеев В. В.** Исторический опыт как предмет изучения // XVIII Международный конгресс исторических наук. Монреаль – Екатеринбург, 1995. 35 с.
2. **Алексеев В. В.** Прогностические возможности исторического опыта // Проблемы математической истории: историческая реконструкция, прогнозирование, методология / отв. ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М.: УРСС, 2009.
3. **Анкерсмит Ф. Р.** Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
4. **Анкерсмит Ф. Р.** История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
5. **Вен П.** Фуко совершает переворот в истории: приложение // Вен П. Как пишут историю: опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
6. **Гедамер Х.-Г.** Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
7. **Гуревич А. Я.** Территория историка // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1996. С. 81-109.
8. **Дильтей В.** Сущность философии. М.: Интрада, 2001. 155 с.
9. **Зверева Г. И.** Понятие «исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований. М.: Исторический факультет МГУ, 1999. Вып. 2. С. 104-117.
10. **Калимонов И. К.** Теоретические проблемы исторического познания в творчестве П. Рикёра // CLIO MODERNA. Казань: Мастер-Лайн, 2005. С. 163-180.
11. **Козельск Р.** Прошедшее будущее: к семантике исторического времени // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226-241.
12. **Коллингвуд Р. Дж.** Идея истории: автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
13. **Москаленко М. Р.** Проекты государственного устройства России во второй половине XVIII – начале XXI в.: исторический опыт социально-политического прогнозирования: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 24 с.
14. **Номогоева В. В.** Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920-1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 37 с.
15. **Олейников А.** Исторический опыт – новый предмет теоретических исследований // Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного: в 2-х кн. / А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2003. Кн. 1. С. 299-312.
16. **Рикёр П.** История и истина / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
17. **Словарь историка** / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. Л. А. Пименовой. М.: РОССПЭН, 2011. 222 с.
18. **Тевлина В. В.** Исторический опыт подготовки специалистов в области социальной работы в России: вторая половина XIX – XX в.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2004. 48 с.
19. **Тлепцок Р. А.** Исторический опыт развития народов Северного Кавказа в составе Российской империи в период реформ 1860-х – начала 1880-х гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 76 с.
20. **Успенский Б. А.** История и семиотика // Успенский Б. А. Избранные труды. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 9-70.
21. **Царёв Б. В.** Исторический опыт как проблема социального познания: дисс. ... канд. филос. наук. Куйбышев, 1985. 207 с.

**HISTORICAL EXPERIENCE: FROM UNDERSTANDING
OF ESSENCE TO DEFINITION OF TERM**

Yuliya Borisovna Kostyakova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian Language Stylistics and Journalism
Institute of Philology and Intercultural Communication
Khakass State University named after N. F. Katanov
uka29@yandex.ru

By analyzing foreign and domestic authors' scientific works on the questions of historical experience, the author of the article generalizes historians and philosophers' ideas about the essence of historical experience, its origins and functions, about the possibility of its use for predicting the future, pays special attention to the question about a researcher's role in the study and representation of historical experience, about the correlation of objective and subjective in this experience, gives the authorial definition of historical experience, and basing on it comes to the conclusion about the sphere of this experience implementation in the present and in the future.

Key words and phrases: historical experience; past experience; experience of history; historian's experience; "lessons of the past".